

ДИСКУССИИ О ВВЕДЕНИИ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ: СОВРЕМЕННЫЙ ВЗГЛЯД

Виноградов Сергей Вадимович, доктор исторических наук, профессор
Астраханский государственный университет
Российская Федерация, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: dissovtdm@yandex.ru

Статья посвящена одному из судьбоносных моментов советской истории – переходу от политики «военного коммунизма» к новой экономической политике. Именно переход к нэпу позволил большевикам избежать нового витка гражданской войны, сохранить власть и быстро восстановить разрушенную войнами и революциями экономику страны. В тоже время, это был сложный для РКП(б) этап развития, заставивший многих коммунистов отказаться от скорого воплощения мечты о быстрой победе социализма и заняться более «приземленными» делами, например, учиться торговать, умело хозяйствовать и т.д. Долгое время дискуссии внутри РКП(б) по поводу введения нэпа были вне поля зрения историков. Автор исследовал большое количество документов в архивах городов Поволжья, посвященных этой проблеме. Многие документы по этой теме введены им в научный оборот впервые.

Ключевые слова: новая экономическая политика, политика «военного коммунизма», РКП(б), большевики, дискуссия, Поволжье, ВСНХ, местные органы власти

THE DISCUSSIONS ABOUT THE INTRODUCTION OF NEW ECONOMIC POLICY: THE MODERN VIEW

Vinogradov Sergej V., D.Sc. (History), Professor
Astrakhan State University
20a Tatishcheva Str., Astrakhan, 414056, Russian Federation
E-mail: dissovtdm@yandex.ru

The article is devoted to one of the fateful moments in Soviet history – the transition from the policy of "war communism" to the new economic policy. The transition to new economic policy allowed the Bolsheviks to avoid a new round of civil war, to retain power and quickly restore the country's economy, destroyed by wars and revolutions. At the same time, this was a difficult period in the development of the RCP (b), which forcing many communists to abandon of the fast realization of a dream of a quick victory of socialism, and to engage in more materially-minded matters, for example, learn to trade, skillfully manage, etc. The discussions in the RCP (b) about the introduction of the new economic policy were out of view of historians for a long time. The author researched a large number of archival documents devoted to this problem in the Volga region cities. Many documents on this theme have been put into scientific circulation for the first time.

Keywords: new economic policy, the policy of "war communism", the RCP (b), the Bolsheviks, the discussion, the Volga region, VSNKh, local authorities

Чем дальше мы отходим от жесткой идеологической заданности в исторической науке и глубже познаем период новой экономической политики, тем сложнее и нелинейнее предстает перед нами картина «ревущих 20-х гг.» То, что долгое время считалось неоспоримыми, навечно вбитыми в гранит науки аксиомами, теперь уже, в лучшем случае, тянет, всего лишь, на теоремы со слабенькой системой доказательств, нуждающейся в тщательной проверке.

Все вышесказанное подтверждается на примере введения нэпа в 1921 г. Для советской историографии это была *terra incognita*, как впрочем, и другие события 1920-х – 1930-х гг. Согласно трактовке «Истории Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс», В.И. Ленин на X съезде РКП(б) объявил замену прежней политики «военного коммунизма» новой экономической политикой (нэп). Коммунисты дружно (за исключением «врагов народа») приняли, каждый на своем уровне, осуществлять решения X съезда и «учиться торговать» [4, с. 244–248]. Такое понимание событий 1921 г. вплоть до 1991 г., не подвергалось сомнению. Автором

такой версии событий являлся В.И. Ленин. В Заключительном слове на VII Московской губернской партийной конференции (29 октября 1921 г.) он подчеркивал, что о необходимости введения «новой экономической политики никто не спорил, вся партия на съездах, на конференциях и в печати приняла её совершенно единогласно» [8]. На XI съезде РКП(б) в конце марта 1922 г. вождь вновь подчеркивал партийное единодушие тех трудных месяцев: «Поворот к новой экономической политике был решен на прошлом съезде с чрезвычайным единодушием, с большим даже единодушием, чем решались другие вопросы в нашей партии (которая, надо признать, вообще отличается большим единодушием) <...> Никаких колебаний в партии по вопросу о том, что новая экономическая политика неизбежна, не было» [15, с. 14–15].

Известный западный исследователь новой экономической политики Александр Эрлих в своем исследовании «Дискуссии об индустриализации в СССР. 1924–1928» приводит еще одну ленинскую цитату по этому поводу из речи вождя на Пленуме московской организации РКП(б) в ноябре 1922 г.: «Пересадка, которую мы произвели весной 1921 г. ... была продиктована обстоятельствами чрезвычайной силы и убедительности, так, что между нами никаких прений и никаких разногласий относительно этой пересадки не было» [9]. К удивлению, Эрлих, располагая воспоминаниями Валентинова, а возможно и другими свидетельствами альтернативной точки зрения на эти события согласился с В.И. Лениным. «Оценка, сделанная двадцать месяцев спустя, – писал А. Эрлих, – была без сомнения верной. Однако ее автор проявил здесь не только обезоруживающую скромность. Важное решение отменить политику «военного коммунизма» не вызвало и не могло вызвать существенных разногласий. Перед лицом экономической разрухи и нарастающего общественного недовольства никакого другого выбора не было. Поэтому казалось естественным считать новый курс простым отступлением, осуществленным для того, чтобы избежать немедленного краха. Такого действительно было общее мнение» [19, с. 29]. Возможно, события 1921 г. находились на периферии его исследований, поэтому Эрлих легко принял официальную версию, что для него, в общем-то, было не характерно.

В 1991 г. для широкого круга читателей стали доступны воспоминания активного участника событий 1920-х гг., бывшего заместителя главного редактора «Торгово-промышленной газеты», – печатного органа Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ), – Н. Валентинова (Н. Вольского) «Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина», опубликованные в издательстве «Современник». В мемуарах была представлена иная точка зрения на события 1921 г. По мнению Валентинова, Ленин, произнося «мантру» о единстве в партии при принятии нэпа по разным соображениям лукавил. Никакого единодушия в РКП(б) при принятии нового курса не наблюдалось.

Н. Валентинов рассказал в своих воспоминаниях о встречах с членом коллегии Народного комиссариата продовольствия А.И. Свидерским, который утверждал, что В.И. Ленина в тот период мало кто поддерживал в руководстве РКП(б). «Полностью согласны с ним, может быть, только Красин и Цурюпа; все другие или молчат, или упираются. На одном собрании (Свидерский не указал на каком) Ленин говорил: «Когда я вам в глаза смотрю, вы все как будто согласны со мной и говорите да, а отвернусь, вы говорите, нет. Вы играете со мной в прятки. В таком случае позвольте и мне поиграть с вами в одну, принятую в парламентах игру. Когда в парламентах главе правительства высказывается недоверие, он подает в отставку <...> вы высказываете мне недоверие по вопросу о новой экономической политике. Я делаю из этого принятые в парламентах выводы и двум высшим инстанциям – ВЦИКу и Пленуму – вручаю отставку. Перестаю быть председателем Совнаркома, членом Политбюро и превращаюсь в простого публициста, пишущего в «Правде» и других советских изданиях» [1, с. 68].

Приведенная Н. Валентиновым информация показывала насколько неоднозначной была обстановка в верхах партийно-государственной власти, и как непросто бы-

ло вождю, даже при всем его авторитете в партии, убеждать соратников. Порой на кон он вынужден был ставить весь свой политический капитал как в случае рассказанном Валентинову Свицерским.

Постепенно историки стали находить новые свидетельства и документы, подтверждающие версию Н. Валентинова. Например, видный деятель РКП(б), первый Председатель Госплана Г.М. Кржижановский в своем выступлении на XIII съезде РКП(б) заявил: «Товарищи, которые думают, что переход к новой экономической политике был сразу проведен после весны 1921 г. и сразу отлился в законченные рамки, ошибаются» [18, с. 406]. Постепенно такая трактовка введения нэпа стала приобретать законченные, чеканные формулировки учебников по Отечественной истории: «Нэп как своеобразная система экономических отношений между партиократическим государством и обществом сложилась не сразу» [14, с. 193–194], «Руководству РКП(б) стоило немалого труда убедить рядовых коммунистов в целесообразности нового экономического курса, встретившего на местах определенное противодействие» [10, с. 167] и т.д.

Автор статьи подробно исследовал обстоятельства введения новой экономической политики в Поволжье. В архивах имеется обширный документальный материал, свидетельствующий о разных формах противодействия нэпу со стороны местных партийных и советских органов. Не смотря на явный провал предыдущей политики «военного коммунизма» и массовые протесты населения, партийцы «на местах» продолжали твердо ее отстаивать. Никакого «брожения умов», сомнений по поводу необходимости рывка к социализму у этих людей не наблюдалось. На протесты населения местные власти предпочитали отвечать силой. Для некомпетентных, необразованных людей, составлявших костяк местных партийных и советских органов, политика «военного коммунизма» была понятна и удобна. На ее волне они достигли власти и готовы были ее защищать, ни с кем и ни с кем не считаясь. По свидетельству Н. Валентинова, Ленин сетовал Свицерскому, что в провинции новая политика «остаётся в громадной степени, не разъясненной и даже непонятной» [1, с. 66].

Яркой иллюстрацией неприятия нэпа может служить следующий эпизод, обнаруженный в документах Государственного архива современной документации Астраханской области. 5 мая 1921 г. пленум Астраханского губкома РКП(б) обсуждал вопрос о путях развития рыбной промышленности в новых условиях. По результатам обсуждения была принята резолюция о невозможности использования натурального налога в рыбном деле [16, л. 194–195; 3, л. 14]. Такая вольная трактовка новой экономической политики астраханскими большевиками самым негативным образом сказалась на продовольственном положении в стране. В России, и, особенно, в Поволжье, бушевал голод, а по сообщениям астраханской газеты «Коммунист»: «не убранная рыба гнила на промыслах» [5; 6]. «Благодаря обильному ходу сельди и за недостаточностью оборудования промыслов и рабочих рук, – говорилось в докладной записке инспектора 4-го участка Волго-Каспийского управления рыболовства от 2-го июня 1921 г., – рыба непроизводительно гибла (тухла) и администрация промыслов принуждена была вываливать ее в воду или зарывать в ямы» [2, л. 16].

Схожим образом толковалась новая экономическая политика большевиками Пензенской губернии. В решении по введению нэпа, принятом в апреле 1921 г. XI губернской партийной конференцией, в частности, говорилось: «В Пензенской губернии, как земледельческой, ближайшей и основной задачей партийных и государственных органов в осуществлении нового курса является следующее: <...> 3) Ввиду того, что некоторыми партийными организациями и отдельными членами установлен неправильный взгляд на продорганы, губпартконференция подчёркивает, что мощь продорганов должна быть сохранена для быстрого и полного сбора продналога и, сообразуясь с местными условиями, может быть даже усилена. <...> 5) Предлагается принять новому губкому меры по изменению форм и правильному

применению трудповинности. Для этого предлагается: введение трудналога с предварительной развёрсткой его по отдельным крестьянским хозяйствам» [12, л. 19].

В подобном ключе 30 декабря 1920 г. на пленуме Самарского губкома РКП(б) проходила дискуссия о введении нэпа в сельском хозяйстве. Не смотря на то, что эти споры кипели еще до X съезда партии, они показывают настрой и мышление самарских большевиков, кому через три месяца предстояло осуществлять на практике решения X съезда РКП(б). На пленуме зачитывалось два содоклада защищавших разные точки зрения о возможном развитии сельского хозяйства. Один из докладчиков, – Демченко, – «выступил за опору на единоличные крестьянские хозяйства, а содокладчик Рязанов – за коммуны» [17, л. 155]. Большинство выступивших в прениях поддержали мнение Рязанова. «Тов. Сахаров: Приняв положения тов. Демченко, мы за счёт малосильного крестьянина будем укреплять сильного. ...Мы при нашем плохом контроле не сумеем наблюдать за обрабатываемой крестьянами землёй» [17, л. 156]. «Тов. Лычёв за точку зрения тов. Демченко, но при этом он заявляет, что, в конечном счете, все за позицию тов. Рязанова, но сейчас в проведении её нужно быть осторожным. При попытке проведения в жизнь его предложений мы разложим мелкое хозяйство и встанем перед фактом невозможности осуществления ни того, ни другого» [17, л. 157]. «Тов. Милонов отмечал, что речь идёт о курсе и таковой, безусловно, должен быть на коллективы» [17, л. 157]. «Тов. Кострицын: Сейчас фабрики и заводы дают меньше чем раньше, то по выводам тов. Демченко нужно было бы их передать собственникам. Между тем, именно сейчас момент уничтожения собственности» [17, л. 158].

Свободно трактовалось частью местных руководителей отличие понятий «продразвёрстка» и «продналог». Разницу они видели только в изменении названия. Поэтому и собирать его предполагалось так же как продразверстку. Например, 24 августа 1921 г. на заседании Бюро Пензенского губкома РКП(б) обсуждался вопрос о сборе продовольственного налога. Читая резолюцию заседания, ловишь себя на мысли, что для людей, принявших ее, ничего не изменилось по сравнению с периодом «военного коммунизма»: «...3) Предложить губпродкому объявить о немедленной сдаче продналога должниками и о применении к ним репрессивных мер, немедленно по истечении 3-х дневного срока со дня объявления налога. 4) Предложить комполку наметить 30-50 стрелков для отправки их в составе роты вооружённой силы, намечаемой для отправления в уезды по проведению сбора продналога – представив таковых стрелков по первому требованию губпродкомитета» [13, л. 2].

Н. Валентинов приводит мнение П. Муравьёва, как тот говорил о себе – коммуниста-середняка, успевшего «поруководить» при «военном коммунизме». «Во время военного коммунизма жилось тяжело, мучил холод, мучил голод, даже мороженный картофель, считался редким экзотическим фруктом. Но самый остов, самый костяк существовавшего в 1918–1920 гг. строя был прекрасным, был действительно коммунистическим. Всё было национализировано, частная собственность вытравлена, частный капитал уничтожен, значение денег сведено к нулю, а вместо торговли по капиталистическому образцу – в принципе равное для всех распределение, получение материальных благ. Мы осуществили строй, намеченный Марксом в его «Критике Готской программы». Нужно было только влить в него материальное довольство, и всё стало бы сказочно прекрасным. Словно молотом по голове ударило, когда услышали, что нефть в Баку и Грозном отдали заграничным капиталистам в концессию, что им нужно отдать в концессию леса на Севере, в Западной Сибири и множество всяких других предприятий. В тот самый момент, когда к этому добавилась НЭП, денационализация многих частных предприятий, свобода торговли, реставрация экономических отношений прошлого, многие из нас это восприняли, и не могли не воспринять, как измену коммунизму, явное и открытое отступление от всего, за что боролась Октябрьская революция. Она была побеждённой. Начав отступление, будем откатываться назад; мы на этой наклонной плоскости удержаться, не можем,

скатимся уже к самому полному восстановлению капитализма со всеми вытекающими отсюда последствиями. Частный сектор постепенно, но, несомненно, съест весь национализированный сектор» [1 с. 65].

Неприятие нэпа ярко выразил коммунист из Пензы П.А. Рожков. Выступая 6 мая 1922 г. на пленуме губкома в дискуссии, посвященной решениям XI Съезда РКП(б), он подчеркнул: «Мы сейчас ещё не можем смириться, как это коммунист-революционер будет учиться торговать у тех противников, с которыми он боролся» [11, л. 38]. Другой выступавший на этом же Пленуме с сожалением констатировал: «Наблюдается массовый выход из партии – это потому, что нет дружеской спайки, как было в подполье, много сухих казённых обязанностей» [12, л. 5].

У многих членов РКП(б) возникало серьезное внутреннее противоречие между долгом коммуниста всеми силами способствовать осуществлению партийной политики (в данном случае нэпа), с одной стороны, и собственными взглядами, мировоззрением, идеалами, с другой стороны.

Приведённые выше примеры, а также анализ протоколов проведения партийных собраний различного уровня в 1920–1922 гг. показывают нежелание большинства работников партийного аппарата что-либо менять. Этим же можно объяснить сгнившую рыбу на астраханских промыслах, неумелое распределение продовольствия в сельскохозяйственных губерниях во время голода 1921–1922 гг. Недалек от истины оказался американский предприниматель А. Хаммер, тесно сотрудничавший с Советским правительством в начале 1920-х гг.: «если бы программу нэпа предложил не Ленин, а другой лидер, его тогда бы расстреляли» [7, с. 65].

Все вышеперечисленные факты свидетельствовали о том, что в 1921 г. в немалой части партийного аппарата в центре и в провинции сильно было отторжение новой экономической политики, выражавшееся в вольной трактовке ее основных положений, а порой и в саботаже нэпа.

Однако простого замещения политики «военного коммунизма», целью которой был непосредственный переход к социализму, нэпом в его ленинском понимании в 1921–1922 гг. (возрождение товарно-денежных отношений, торговли, многоукладной экономики) произойти не могло. Тем более что основная доктрина перехода к новому социально-экономическому строю оставалась неизменной и не подвергалась сомнению. Программа РКП(б), принятая в марте 1920 г. на IX съезде и трактованная социализм как бесклассовое, бестоварное, безгосударственное общество с одной (обобществлённой) формой собственности, с введением нэпа никак не пересматривалась. И Ленин в своих работах 1921–1922 гг., в том числе в последних трудах, которые некоторые исследователи трактуют как «политическое завещание», ни как не посягал на принципиальные основы большевистской доктрины социализма.

Список литературы

1. Валентинов Н. (Вольский Н.) Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина / Н. Валентинов. – М. : Современник, 1991.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 386. – Оп. 1. – Д. 49.
3. Государственный архив современной документации Астраханской области (ГАСД АО). – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 56.
4. История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. – М. : изд-во ЦК ВКП(б) «Правда», 1938.
5. Коммунист. – 1921. – 30 марта.
6. Коммунист. – 1921. – 4 октября.
7. Коммунист. – 1988. – № 2.
8. Ленин В. И. Заключительное слово на VII Московской губернской партийной конференции (29 октября 1921 г.) / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. – Т.44. – С. 214–215.
9. Ленин В. И. Речь на Пленуме Московского совета 20 ноября 1922 г. / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. – Т. 45. – С. 301–302.
10. Наше Отечество. Опыт политической истории. – Т. 2. – М.: «Терра», 1991.

11. Отдел фондов общественно-политических организаций Государственного архива Пензенской области (далее – ОФОПО ГАПО). – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 417.
12. ОФОПО ГАПО. – Ф. 36. – Оп. 1. – Д. 301.
13. ОФОПО ГАПО. – Ф. 36. – Оп. 1. – Д. 600.
14. Политическая история России – СССР – Российской Федерации. – Т. 2. – М.: «Терра», 1996.
15. Протоколы Одиннадцатого съезда РКП(б). – М.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1936.
16. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ) – Ф. 17. – Оп. 13. – Д. 52.
17. Самарский областной государственный архив социально-политической истории (СОГАСПИ). – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 199.
18. Тринадцатый съезд РКП(б): Стенографический отчет. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1963.
19. Эрлих А. Дискуссии об индустриализации в СССР. 1924–1928 / А. Эрлих. – М.: «Дело», 2010.

References

1. Valentinov N. (Vol'skij N.) *Novaja jekonomicheskaja politika i krizis partii posle smerti Lenina* [New economic policy and the crisis of the party after Lenin's death]. Moscow : «Sovremennik» Publ., 1991.
2. *GARF*. F. 386, op. 1, d. 49.
3. *GASD AO*. F. 1, op. 1, d. 56.
4. *Istorija Vsesojuznoj Kommunisticheskoj partii (bol'shevikov). Kratkij kurs* [History of the All-Union Communist Party (Bolsheviks). Short course]. Moscow : CK VKP(b) «Pravda» Publ., 1938.
5. *Kommunist* [The Communist]. 1921. March, 30.
6. *Kommunist* [The Communist]. 1921. October, 4.
7. *Kommunist* [The Communist]. 1988, no. 2.
8. Lenin V.I. Zakljuchitel'noe slovo na VII Moskovskoj gubernskoj partijnoj konferencii (29 oktjabrja 1921 g.) [Closing speech at the VII Moscow Provincial Party Conference (October 29, 1921)]. *Poln. sobr. soch.* [Full. collect], vol. 44, pp. 214–215.
9. Lenin V.I. Rech' na Plenum Moskoverskogo soveta 20 nojabrja 1922 g. [Speech at the Plenum of the Moscow Soviet on November 20, 1922]. *Poln. sobr. soch.* [Full. collect], vol. 45, pp. 301–302.
10. *Nashe Otechestvo. Opyt politicheskoi istorii* [Our Fatherland. Experience of political history]. Vol. 2. Moscow : «Terra» Publ., 1991.
11. *OFOPO GAPO*. F. 1, op. 1, d. 417.
12. *OFOPO GAPO*. F. 36, op. 1, d. 301.
13. *OFOPO GAPO*. F. 36, op. 1, d. 600.
14. *Politicheskaja istorija Rossii – SSSR – Rossijskoj Federacii* [Political history of Russia – the USSR – the Russian Federation]. Vol. 2. Moscow : «Terra» Publ., 1996.
15. *Protokoly Odinnadcatogo s#ezda RKP(b)* [Protocols of the Eleventh Congress of the RCP (b)]. Moscow : Partizdat CK VKP(b), 1936.
16. *RGASPI*. F. 17, op. 13, d. 52.
17. *SOGASPI*. F. 1, op. 1, d. 199.
18. *Trinadcatyj s#ezd RKP(b): Stenograficheskiy otchjot* [Thirteenth Congress of the RCP (B.): Verbatim report]. Moscow : Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1963.
19. Jerlih A. *Diskussii ob industrializacii v SSSR. 1924-1928* [Discussions on industrialization in the USSR. 1924-1928]. Moscow : «Delo» Publ., 2010.